

ПОПАДАЮЩИЕ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

АНДРЕЙ ГОНЧАРОВ

ДВА ВЫСТРЕЛА ВО ВТОРОМ АНТРАКТЕ

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г65

В оформлении переплета использована
иллюстрация *Анатолия Дубовика*

Гончаров, Андрей.
Г65 Два выстрела во втором антракте / Андрей
Гончаров. — Москва : Издательство «Э», 2016. —
352 с. — (Попаданцы специального назначения).

ISBN 978-5-699-87635-8

Группе опытных оперативников поручают расследовать убийство... премьера Петра Столыпина, совершенное более ста лет назад! Ученые, создавшие проект «Хронос», переправили сыщиков в прошлое, чтобы те проникли в Киевский театр оперы в тот самый момент, когда и был совершен террористический акт. Это было беспрецедентно сложное и опасное задание, потому как пули террористов не менее смертельны и для путешественников во времени. Но самым трудным оказалось выяснить, кто на самом деле был заказчиком убийства. Для этого нашим современникам пришлось внедриться в агрессивные и безжалостные революционные кружки...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-87635-8

© Гончаров А., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

Глава правительства Российской империи Петр Аркадьевич Столыпин был не в духе. Внешне он этого, разумеется, никак не показывал — привычка все время быть на людях, контролировать выражение лица помогала. Сидя в правительственной ложе Киевского оперного театра, премьер откинулся в кресле, смежил веки, лицу придал выражение глубокой задумчивости. Со стороны всякий бы сказал, что Петр Аркадьевич наслаждается шедевром композитора Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане». На деле же премьер вовсе не наслаждался, а отбывал повинность — как на каком-нибудь заседании Государственного совета, если там выступал кто-нибудь из сенаторов, известных своим тупоумием. Ничто его не радовало: ни музыка знаменитого композитора, которую критики находили божественной, ни голоса солистов, ни яркие декорации. Музыка казалась чересчур громкой, певцы, как мнилось премьеру, дружно фальшивили, костюмы царицы Милитрисы и царевича Гвидона были неестественно яркими. Тьфу на все это! Встать бы да уйти, да нельзя — рядом император, кото-

рый явно испытывает удовольствие от оперной сказки. Вот — изволит улыбаться, кивает в такт музыке.

За годы пребывания на государственной службе, и особенно за последние пять лет, после того как возглавил кабинет, Петр Аркадьевич достаточно изучил российского самодержца. Отношение его к императору было противоречивым. С одной стороны, премьер глубоко уважал самодержца за порядочность, честность, душевное благородство; не мог не отметить его глубокую воспитанность, внимание к подчиненным, искреннюю заботу о вверенном ему государстве. Нет, Николай Александрович отнюдь не был легкомысленным и самовлюбленным вертопрахом, как многие люди его круга. Однако премьер видел и другую сторону личности самодержца — медлительность, нерешительность, слабость характера. Да и умом император был не больно остер, надо признать.

Особенно эта противоречивость в характере императора и в его отношениях с премьером стала заметна после мартовского кризиса, когда Петр Аркадьевич, столкнувшись с дружным сопротивлением его планам в Государственной думе и не найдя поддержки у государя, заявил о своей отставке. И вопрос-то был не из самых важных, об учреждении земств в Западном крае, где Столыпин собирался дать дополнительные права русским и белорусским жителям и тем ослабить влияние богатой польской шляхты. Вопрос, может, и не самый важный, но премьер больше не мог терпеть такого отношения к себе.

Приближенные отговаривали его от этого шага, говорили, что нельзя так рисковать, предъявлять государю ультиматум. Они не понимали главного: это была совсем не игра, Столыпин в тот момент вовсе не рисковал, не делал никаких ставок. Он искренне был готов уйти со своего поста — как сейчас из Киевского театра, с постылой оперы. Тогда, после конфликта с правым большинством Думы, он внезапно ощутил свое глубочайшее одиночество. Если уж Гучков, Трепов, Дурново не поддерживают его начинаний, то от кого же тогда ждать понимания? Не от эсеров же с эсдеками, готовых залить Россию кровью!

Да, тогда он был готов уйти. Но судьба распорядилась иначе: вдовствующая императрица Мария Федоровна повлияла на сына, объяснила ему важность сохранения Петра Аркадьевича во главе кабинета. И царь принял его условия, все сделал, как хотел Столыпин. Однако его отношение к премьеру изменилось. Некий холодок, который возник еще пару лет назад, усилился; словно ледяная стенка возникла между российским самодержцем и его первым помощником. И этот холодок все чаще заставлял Петра Аркадьевича задумываться: для кого он старается? Кому нужна его лихорадочная, поспешная деятельность? Ведь за последний год он ни от кого не слышал ни слова поддержки или одобрения. Стоит ему допустить хоть малейший просчет — и сразу раздается злорадное улюлюканье, вопли осуждения. Тошно, ах, тошно... Зря он вообще поехал в Киев на эти торжества, связанные с

открытием памятника царю-освободителю. Лучше бы остался в Петербурге, занялся работой. Предстоят новые преобразования, призванные развить банковское дело, облегчить получение крестьянами кредитов; один Крестьянский поземельный банк с этим не справляется. Да, лучше было не ехать... Но как не поедешь, если император повелел? Ага, вот и аплодисменты. Стало быть, второе действие закончилось. Хорошо — можно будет пройти в курительный салон для важных гостей и там в тишине выкурить сигару...

Однако надеждам премьера не было суждено оправдаться. Едва начался антракт, как к ложе подошел министр двора барон Фредерикс и завел речь о нуждах его ведомства. Требуются средства, чтобы провести электрическое освещение во все помещения Зимнего; кроме того, необходимо провести ряд ремонтных работ в Царском Селе... Барон был известен своим редкостным тупоумием и столь же редким занудством; отвязаться от него не было никакой возможности. Но и сидеть в ложе, беседуя, тоже не хотелось. Столыпин встал, вышел из ложи и прошел к оркестровой яме, где двое скрипачей, пользуясь перерывом, тихонько настраивали свои инструменты — видимо, их звук чем-то не устраивал музыкантов. Звуки настраиваемых инструментов отчего-то всегда нравились премьеру. Размышляя над этим феноменом, он как-то подумал, что в этих упорно ищущих гармонии звуках есть нечто общее с обществом в

состоянии больших реформ — и там, и здесь согласия пока нет, но оно обязательно отыщется. Теперь он, вполуха слушая барона, в то же время внимал доносившимся из ямы обрывкам мелодий.

«Ладно, пусть так, — размышлял Столыпин. — Как начнется третье действие, старый болван наконец отвяжется, и тогда можно будет пойти покурить. В курительном салоне уж точно никого не будет. Это хорошо...»

...Старший сотрудник Киевского охранного отделения Василий Лисович скромно сидел на приставном стуле в шестом ряду партера и смотрел спектакль. То есть это со стороны могло показаться, что старший сотрудник всецело поглощен происходящим на сцене. На самом деле Василий Лисович работал. И смотрел не столько на сцену, сколько в зал. Особое внимание он уделял людям, сидевшим в императорской ложе и рядом с ней. На нем, как и на прочих сотрудниках Охранного отделения, находившихся в тот вечер в театре, лежала особая ответственность: ведь в данный момент здесь находились оба человека, олицетворявшие высшую власть в империи — и государь император, и глава правительства. Никак нельзя было оплошать, никак! Вот и начальник отделения господин Кулябко на инструктаже то же самое говорил. Сообщил, кстати, что в Киев в эти дни должна прибыть некая девица, принадлежащая к партии социалистов-революционеров, с целью убить кого-то из высших сановников. Так

что особое внимание было приказано уделять девицам определенного вида.

Лисович это указание выполнил самым добросовестным образом. Всех особ женского пола, что находились в пределах досягаемости, осмотрел. Для этого специально захватил с собой бинокль — с виду обычный, театральный, а на деле настоящий полевой. Ну, а тех, кто сидел поближе, и так, без окуляров, осматривал. Некоторые из дам замечали ищущий взгляд агента и отвечали ему ответным вниманием. Василий Никандрович знал, что вызывает интерес у слабого пола. Недаром в свои тридцать два года он все еще не был женат. Зачем? И так можно отлично устроиться.

Интерес со стороны дам Василий Никандрович возбуждал прежде всего благодаря своей внешности. Внешность была отменная. Бледное лицо с приятными чертами, небольшие усики, черные глаза... Эту картину дополнял аккуратный пробор, разделявший куафюру агента Лисовича на две почти равные половины. В результате получалась внешность совершенно артистическая. Недаром некоторые знакомые дамы сравнивали Лисовича со знаменитым актером сценариста Иваном Мозжухиным. Конечно, для рядовой филерской работы такая приметная внешность являлась скорее недостатком, но Лисович на рядовой работе находился совсем недолго; большую часть службы он провел, вращаясь в студенческих и артистических кругах, где подобный облик был как раз кстати.

Пока что особа, подходящая на роль бомбистки, не находилась. А Василий Никандрович за шесть лет службы таких особ научился отличать. Как правило, эти пассионарные девицы были нехороши собой и не старались это скрыть и как-то выделить привлекательную часть своего облика. Хотя случались и исключения. В прошлом году Лисович своими глазами видел девицу, с которой он сам очень был бы не прочь пообщаться где-нибудь в будуаре. Шикарный бюст, точеная фигурка, брови — ах! А между тем эта красотка была схвачена в момент, когда уже достала револьвер и собиралась стрелять в киевского градоначальника. Так что всякое могло быть, и нельзя было выделять одних лишь дурнушек; еще и на поведение надо было смотреть. И Лисович внимательно смотрел, анализировал — но пока что ничего подозрительного обнаружить не мог.

То обстоятельство, что служебный долг мешал ему смотреть оперу, которую так нахваливали в газетах, Василия Лисовича нисколько не волновало. Насмотрелся он этих опер, хватит. Правильно писал в газете «Киевские ведомости» один журналист (по всей видимости, еврей, но что с того — иудино племя зачастую отличается острым умом): «Опера, — писал сей господин, — отжила свое. Будущее за новыми видами музыкального искусства — концертами, где господствуют песни и баллады, объединенные злободневным сюжетом». Вот и Василий Никандрович всем этим ариям и дуэтам предпо-

читал романы. Как послушаешь такое сочинение, особенно господ Верстовского или Булахова, так на душе совершенно особое настроение делается. А вот еще в последнее время появился новый автор, совершенно по-особому поет. Как его бишь? Ах, да, кажется, Вертинский. Смело, ново! Не то что колыбельная царицы Милитрисы, что звучала в данный момент со сцены. Нудно, скучно и нисколько не волнует. И что только высшие лица империи находят в этой нудятине? А ведь находят. Вот Его Императорское Величество изволит улыбаться и кивает — нравится, значит. И господин Столыпин, умнейший в империи человек (хотя в последнее время, говорят, впавший в немилость при дворе), глаза закрыл, в кресле откинулся — слушает. А что слушать-то? Тьфу!

Ага, вот и «ликующий народ» из ворот города Леденца повалил, царя Гвидона славить. Значит, скоро конец второго действия. Тоже ведь вранье, народ этот ликующий. Василий Лисович жил на свете четвертый десяток лет, и что-то не доводилось ему до сих пор видеть искреннего народного ликования при виде царствующих особ. Все одна казенщина, все напоказ.

Второе действие закончилось, раздались аплодисменты, довольно дружные. Наконец артисты откланялись, занавес закрылся, и публика потянулась кто куда — кто в буфет, кто в курительный салон. Лисович тоже встал со своего неудобного сиденья, но никуда из зала не ушел — тут же, у стеночки, притулился. Сейчас

надо было проявлять особое внимание: когда же еще совершать покушение на высших чинов, как не в этой толчее?

В толпе зрителей Лисович разглядел и других агентов Охранного отделения, своих коллег. Да, вот двое... трое... А вон там, у колонны, и четвертый стоит. А вот и сам господин подполковник Кулябко Николай Николаевич. Видимо, во время представления сидел где-то наверху, во втором ярусе, откуда зал лучше видно. А теперь спустился в партер, поближе к охраняемым объектам. Оно и правильно: на подчиненных, как говорится, надейся, а сам не плошай. Хотя, если сказать честно, сыщик из господина Кулябко, как из коровы балерина. Соображает медленно, память на лица аховая, да и трусоват, как выяснилось. Все знают, что свой высокий пост начальника Киевского охранного отделения Николай Кулябко получил благодаря протекции своего свойственника, начальника дворцовой охраны Спиридовича.

Оглядывая зал, Лисович вдруг обратил внимание на троих актеров в костюмах «витязей прекрасных», стоявших в углу сцены, у занавеса. Только что их там не было, и вот — стоят. Откуда они взялись, ясно — вышли из-за занавеса. А вот зачем им это понадобилось, было непонятно. Этой части массовки в театре в ближайшее время вообще делать было нечего: витязи должны были появиться из морских глубин лишь в четвертом действии. И уж тем более не было никаких причин, которые могли заставить

артистов в перерыве вылезти на сцену, на обозрение всей честной публики. Правда, пока что их никто не замечал, и беспорядка они никакого не производили. Но само по себе появление «витязей» было весьма подозрительно. Хотя... Вдруг это коллеги самого Лисовича, такие же агенты, только переодетые? Да, такой вариант не исключен. Однако Василий Никандрович решил на всякий случай держать артистов под постоянным наблюдением.

Но тут его внимание привлекли действия главы Кабинета министров. Если Его Величество во время антракта остался на своем месте и был занят разговором со своей царственной супругой, то Петр Аркадьевич вышел из ложи и вместе с министром двора бароном Фредериксом проследовал к оркестровой яме. Тут к ним присоединился известный земельный магнат граф Потоцкий, и они втроем стали о чем-то оживленно беседовать. Из ямы в это время доносились звуки настраиваемых скрипок; агент Лисович еще подивился, как это глава Кабинета терпит этакую какофонию.

Теперь Столыпин располагался в непосредственной близости от некстати появившихся на сцене «витязей»; можно сказать, он находился прямо у них под ногами. Василий Лисович решил, что и ему следует сменить дислокацию и подойти поближе. Он тоже подошел ближе к сцене. Ничего подозрительного больше не происходило, трое сановников вели свою беседу, «витязи» стояли неподвижно и ни во что не

вмешивались. Отсюда, с близкого расстояния, Лисович мог разглядеть их более детально. Он отметил, что один из «богатырей» высок ростом, в плечах широк — действительно богатырь, — волосы имеет черные. Второй, блондин, был хотя и среднего роста, но тоже на вид весьма крепок. А вот их товарищ был какой-то замухрышка: худой, нескладный, и весь как-то скривился на одну сторону, словно богатырский наряд был ему не по силам и гнул к земле. Но и замухрышка вместе со своими товарищами не сводил глаз с премьера, продолжавшего свою беседу возле оркестровой ямы.

Агент Лисович как раз размышлял о том, не подать ли ему этим «богатырям» один из условных знаков, принятых в Охранном, — дать им знать, кто он такой, а заодно проверить, свои ли это люди. Но тут он вдруг заметил молодого человека, идущего по центральному проходу. Внешне юноша этот был вполне безобидный — не длинноволосый, прилично одетый, на носу очки в металлической оправе, губы пухлые; в общем, по виду — студент из зажиточной семьи. Однако Василий Лисович не зря служил шесть лет в Охранном отделении; он уже научился отличать революционеров не только по внешним признакам. Была в пухлогубом юноше некая целеустремленность, некий блеск в глазах, присущий постоянным подопечным охраны — боевикам и пропагандистам. А самое главное, из-за чего Василий Никандрович отметил очкастого среди прочей публики, то, как он высматривал